

На реке. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://seminvitaly.ru/> приятного чтения!

На реке. Виталий Николаевич Семин

1

С этой шлюпкой сразу началась морока. Мы ее сами выбрали из шести таких же шлюпок-четверок. Они стояли зачаленные в ряд, и выбирать было легко. Наша показалась нам новой, краска на бортах ее была гладкой, а носовая решетка и решетчатая кормовая пайола – незатоптанного желтовато-древесного цвета. База была досаафовской, и нам выдали все, что положено для дальнего похода. Но морская инструкция не гибка, и шлюпку загрузили бочонком для пресной воды («Вино привезете», – сказали нам), тяжеленным якорем, бухтой каната невероятной длины, двумя румпелями – для управления под парусом и на веслах, дали нам боцманскую кису с ножом, набором игл, веревок и уключин, стеклянный фонарь с керосиновым светильником, деревянный держак к этому фонарю и два багра – длинный и короткий. Когда все это снесли в шлюпку, когда в нее загрузили наши рюкзаки, а сверху положили мачту и парус с реей, шлюпка села так глубоко, как ей, должно быть, давно не приходилось садиться. И борта потекли. Мы заметили это, когда мощный досаафовский катер взял нас на буксир.

Чтобы шлюпка не зарылась носом в волну, поднятую мощной машиной, мы передвинулись к корме, а буксирный канат как только можно удлиннили. Шлюпка шла, задрав нос, а мне надо было рулем удерживать ее так, чтобы она не свалилась с этой волны. Попросить, чтобы на катере сбросили ход, нам и в голову не приходило – и им и нам спешить было некуда, но если можно идти быстро, никто не пойдет медленно. И мы шли быстро, а под шлюпкой была одна и та же пенящаяся, оплывающая водяная гора, и я все время рулем чувствовал, что гора эта неоднородна, что внутри нее вскипают и опадают какие-то напряжения. Мне нельзя было отвлекаться, но как раз в этот момент я заметил, что кормовая пайола вдруг подплыла и чистый деревянный цвет ее стал набухать водой.

Наконец грохот машины оборвался, гора опала, рассосалась и вернулась от берега мелкой отраженной волной. Шлюпка тотчас стала горизонтально, и вода, которая до этого держалась в корме, растеклась по всей лодке, замочив наши спальные мешки, рюкзаки и одеяла.

Мы оказались рядом с небольшой самоходной баржей типа ГТ – «гетешкой», которая стояла под погрузочной стенкой. С капитаном мы договорились раньше – он должен был забросить нас километров на восемьдесят вверх по Дону, в Базки или Вешки, но с портовыми крановщиками нам еще предстояло договариваться – слабая таль «гетешки» такую тяжелую шлюпку поднять не могла. Стропальщик, которого мы стали просить, закричал:

– Да чем я ее поднимать буду? Цепями?! Да они ее сломают, а мне отвечать!

Мы специально для него запаслись двумя бутылками «московской», но он так искренне кричал, так махал на нас руками, так поворачивался к нам спиной и убежал от нас, хотя убежать ему было некуда, так спрашивал; «Да на кой она мне?» – что мы на некоторое время засомневались.

– Вот если бы канатные стропы были! – кричал стропальщик. – Это можно было бы сделать. А цепи ее ломают! Она же больше тонны весит! Тебе это надо? И мне не надо!

Но потом вдруг откуда-то появились те самые мягкие канатные стропы, и тот же стропальщик, набросив их на крюк крана, стал командовать:

– Заводи под киль! Да глубже, глубже заводи! Держи, пока натянет! Перелезай на баржу! Быстрей!

Кран поднял шлюпку над грузовой стенкой, и я снизу увидел, как нависает ее округлое днище, какая тяжелая на корме килевая доска, и поверил стропальщику, что такая большая шлюпка может весить целую тонну.

Пока кран держал шлюпку, выяснилось, что капитан не знает, куда ее поставить. Потом он показал на крышу каюты, рядом с рубкой, и стропальщик со злорадной, как мне показалось, торопливостью поставил ее на это неудобное место. Пришлось

На реке. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru
спешно подкладывать под корму бревно, но шлюпка все равно стала косо и придавила бортом дверь в рубку.

Крыша каюты была железной. И рубка, возвышавшаяся над этой крышей, тоже была железной. И стены кают, и трюмы, и вся грузовая палуба были железными. Но как много здесь железа, я понял только тогда, когда заработал мотор. Содрогнулась, завибрировала корма, на которой стоял обеденный стол команды, задребезжали пожарные баллоны, топоры и крючья, висевшие на стене каюты, железной дрожью затрясло перила, на которые я положил руку, – раздался невыносимый грохот железа в железе. В металлическом трюме заработал металлический мотор. Я думал, что такой грохот не может продолжаться долго – только что пущенный мотор наберет обороты и будет работать помягче. Но за все время, пока мы плыли, он ни разу не работал тише.

Самым тихим местом на корабле был нос. Грохот мотора сюда не доставал. Здесь дул сильный речной ветер, шуршала вода, и крашеное железо раскалялось под солнцем. Сядешь спиной к рубке, видишь идущую навстречу воду и чувствуешь, как баржа подставляет течению то правую, то левую скулу – рулевой ведет корабль по фарватеру.

Самый страшный грохот стоял под полами кают и на корме, где целыми днями возилась красивая жена моториста, наш кок («Откуда ты ее взял?» – спросили у него с соседней «гетешки». «Из Колузаево!» – простодушно ответил моторист), – шла, стирала, развешивала белье, готовила, подавала завтраки, обеды и ужины. Здесь нельзя было разговаривать – надо было кричать. Здесь, как на носу, жгло солнце, но в металлическом грохоте мотора оно казалось не речным, а пыльным, заводским. И хотя мотор помещался внизу, казалось, что над палубой все время стоит сизый машинный дымок.

Рулевую рубку от моторного трюма отделял этаж жилого помещения – тут было потише. Пол в рубке был выстелен пластиком, а стены на метр снизу отделаны деревянной планкой. Деревянным было и рулевое колесо. И дерево это на этом железном корабле было очень заметно. Под рукой рулевого на столике рядом с биноклем лежал лоцманский альбом, раскрытый на странице с изображением той излучины, по которой мы в это время шли. Эта крупноплановая карта все время притягивала нас: шли мы медленно и все хотелось сориентироваться, сколько прошли и много ли осталось.

Из Ростова уходили вечером. На левом берегу, в роще, травили комаров, жгли дымовые шашки, и облако дыма плыло от пляжа на город. Оно было густым, беловато-сизым, клубилось, как настоящее облако, и постепенно закрывало электрические огни на левом берегу, рощу, огни на автомобильном мосту, а затем городские огни.

Всю ночь мы шли, а утром увидели те же строительные берега и ту же усталую, не отражающую красок городскую воду. Вернее, это я увидел. Мои спутники впервые плыли по реке, и, судя по тому, как они с самого утра расположились на носу, им все нравилось. Но я-то видел, что вода глухая, что с нее как бы содрана поверхностная пленка. Навстречу со строительства Семикаракорского шлюза шли баржи с плоскими лыжными носами. Эти баржи похожи на гофрированные кузова гигантских грузовиков-самосвалов. Везут они серый щебень, гравий или выбранный со дна реки земснарядом, весь еще в потеках песок. Сам зной над этим песком и щебнем блеклого, карьерного оттенка.

Только на следующий день я заметил, что мутная вода стала потихоньку светлеть и делаться все более бутылочного цвета. Не прозрачной, но такой, как будто прозрачность вот-вот наступит. А краски неба и земли прояснялись, прояснялись и наконец стали резкими и сильными. Раньше этот перелом случался километров через шестьдесят выше города, а теперь для настоящего перелома и ста пятидесяти не хватает. Как будто и с берегов, и с воды, и с воздуха моторной вибрацией сбит какой-то жизненный цвет.

Я живу на улице с двусторонним движением. Улица новая, деревья на тротуарах еще не успели вырасти, и вечерами видно, какие у нее отвесные каменные стены и какое серое накатанное дно. Днем по улице катится грохот. Для меня он давно отделился от машин и катится сам по себе, потому что даже в те минуты, когда машин нет, остается предчувствие грохота, память о нем. Весь вечер он шорохом оседает на дно улицы. А утром кажется, что двустороннее движение всех видов транспорта

На реке. Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
разрешено прямо через комнату. Под окном тормозное дизельное сипение, рев автобусных моторов и танковые выхлопы землевозов-самосвалов. Сквозь окно видно, какого сизо-выхлопного цвета этот грохот. Он проходит на всех диапазонах, уплотняет и дробит воздух, изменяет цвет уличных стен. Даже в комнате меняется цвет книжных обложек. И ведь это каждый день! Однажды я пошел к врачу, он измерил мне давление и спросил, не испытываю ли я чего-то похожего на потерю вкуса к жизни.

Я смотрю на берега и думаю, что даже перекопченный, истоптанный песок выглядит не так, как потрясенный моторной вибрацией.

С утра под грохот металла в металле на нашем железном корабле все сильнее становится жара. У нас под бортом идет на буксире «приставка» – двухсоттонная нефтеналивная баржа. Однажды я видел, как по раскаленному железу палубы нефтеналивной бежала собака. Пасть ее была раскрыта, а густая белая шуба, которую хозяева не догадались состричь, казалось, дымилась. Жутко было подумать, какая температура у нее в подшерстке. Бежала она, цокая когтями, наступая на собственную тень, и это была вся тень на палубе. Собаку звали Боцман.

Из шлюпки мы вытащили все вещи, вынесли мачту и весла и залили ее водой.

Это поразительно однако, как быстро остывает железо. К вечеру на корабле становится холодно. Солнце еще не зашло, только удлинилась тень от рубки, а железо уже леденеет. Такой был долгий, непереносимо жаркий день, земля и за ночь не остынет, а железо мгновенно становится холодным. Прикоснешься к металлическим поручням или сядешь на кнехт – и сам мгновенно продрогнешь. Даже не от холода, а от неожиданности, от мертвенности. Твое собственное тепло уходит в эту пустоту без остатка.

До самой Цимлы берега потревожены. Но для новичков они, видимо, еще хороши. Мои спутники смотрят на воду и берега увлеченно.

2

После целого дня гребли долго искали место для стоянки. То берег крут – не вытащишь на него вещи, то так густо зарос молодняком, что не поставишь палатку, то створы рядом – нельзя будет развести костер, чтобы не сбить с пути корабль, а то просто кому-то не нравится. Наконец нашли: течение делает поворот, и на этом повороте – глубокая вымоина в берегу, залив с массой поваленных деревьев, которые лежат вершинами в воде. Вершины еще зеленые – свалило в это половодье, – берег высокий, крутой, слоистый, с пластами светло-кофейного, серого и белого песка – пластами, которые отличаются друг от друга плотностью слежавшихся песчинок. Лезешь по этим пластам вверх, и песок осыпается, течет под ногами вниз, а пласты все-таки остаются. Собьешь их на несколько сантиметров, а они отодвинутся и все равно остаются.

Внутри залива течение идет не так, как в реке. Когда-то струя вымыла это углубление, а теперь сама не может сюда достать. Простым глазом видно, как она идет по дуге, несет соринки, пузырьки воздуха, мелкие волны, возникающие на завихрениях. А вода, попадающая в залив от главной струи, сразу затормаживается, густеет, идет к берегу и тут поворачивает против течения, кружит медленно те же соринки, обрастает новыми, становится мохнатой, ворсистой. Но ворсистость эта не отталкивает, не кажется сорной, грязной, потому что грязи на много километров поблизости нет, а только вода, ветер, песок, деревья, насекомые и мелкие отходы от всего этого: опавшие листья, кусочки коры, сухие ветки – отходы, не разрушающие поверхности берегового откоса, цвета воды, чистоты воздуха, не разрушающие этого шелеста и тонкого звона, который стоит в воздухе от движения листьев, от почти бесшумного движения воды, от гуда насекомых.

Заливчик этот – место приметное. Вот вбитые в песок обуглившиеся рогулины, на которых подвешивали кастрюлю, вдавленное в песок сено.

Выгрузив шлюпку, мы раздеваемся и лезем в воду, чтобы смыть пот от недавней гребли, от многочасовой работы на солнце. Мы так перегрелись и навалились за день, что даже очень теплая речная вода кажется только оттого, что это новое место, новая вода, с темной, непрозрачной глубиной, с медленным обширным водоворотом, который идет против основного течения и несет какие-то диковатые, черные от долгого пребывания в воде ветки и кусочки коры. Кто-то первый не выдерживает и прыгает с берега, долго идет под водой, осваивается с ней, с ее

На реке. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru
температурой, делает сильные гребки, чтобы согреться, и наконец выныривает
впереди и кричит:

– Хорошо!

У него переспрашивают недоверчиво:

– Ну как водичка?

А он кричит:

– Хорошо!

И тогда тот, кто не так храбр, как первый, уже без всплеска опускается и плывет, стараясь поскорее преодолеть первую дрожь и первый холод, глубоко проникающий в уставшее и будто лишенное внутренних запасов тепла тело. И только когда ему удастся согреться, уравновесить температуру тела и воды, он начинает осматриваться и уже не просто бить руками и ногами по воде, а плавать вслед за первым, используя силу водоворота; вверх – по водовороту, вниз – выходя на течение реки. Оставшиеся на берегу кричат:

– Неправильно плывешь! Тебя должно сносить!

Уже освоившийся с водой, он отвечает:

– Это река неправильно идет!

А те, кто остался на берегу, упустили минуту, когда еще можно было войти в воду. Теперь тела их остыли так, что сама мысль о купании кажется невозможной. Заливчик врезан в высокий берег, берег обнесен высокими деревьями, и хотя солнце еще не зашло, в заливчике глубокая, быстро холодеющая тень. Песок в тени остывает почти мгновенно, тепло протекает сквозь него так же быстро, как вода. Несколько мгновений – и вот он уже холоден и пуст, и белый, желтоватый цвет его, весь день казавшийся душным и жарким, теперь выглядит холодным. Теперь только вода сохраняет дневное тепло, но это сырое и зябкое тепло, и те, кто остался на берегу, кто упустил минуту, когда надо было нырнуть и поплыть, надевают брюки, натягивают свитера, достают из рюкзаков сухие носки – основательно готовятся к вечеру и к ночи, – а плавающие все медлят выйти из реки на берег.

Но вот мы все вместе: и тепло одетые, кто так и не искупался, у кого кровь еще не отлила от головы, а в ушах стоит звон от дневного зноя, и те, кто искупался, вылез из воды, но никак не хочет что-то на себя надевать, ходит в трусах, босиком по песку и все норовит пройти по кромке берега и воды, еще раз услышать ее звон, почувствовать ее мягкое тепло.

– Давай кастрюлю, наберу, – говорю я дежурному, который в кедах, боясь замочить ноги, лезет на шлюпку, чтобы с кормы зачерпнуть воды. Беру кастрюлю и долго вхожу в воду, выбираю место, где вода чище, смываю с кастрюли налипший за день жирноватый песок, делаю шаг в сторону против течения и еще шаг и только тогда набираю воды.

Ногам в воде тепло, на кожу спины и груди давит ровная прохлада, но под горячей от растираний кожей ровный слой тепла. Раскаленное солнцем тело остыло, но взбодренное купанием, водой, оно теперь само вырабатывает тепло. Вода серая, лоснящаяся, листья тоже постепенно сереют, уходит слепящая яркость, но прозрачность не исчезает, а даже углубляется. Видимые и невидимые солнечные вихри, которые давили днем на глаза, рассеялись, осели в холодном воздухе, воздух очистился, промылся, река отделилась от берегов, от неба, каждая струйка на реке выделилась, стала ясно видна: где водоворот, где пережат, где след от бакена. И небо тоже отделилось от воды. Оно еще в закате, но закат тоже холодеет, тепло из него утекает за горизонт, а облака в зените сереют и холодеют, остановившись на месте. Лес посерел, переходы зеленого как бы смазались, но зажглись невидимые ранее под ярким дневным солнцем краски земли. Неяркие, они и должны светить только в таком вот сумеречном свете. На противоположном берегу желтым засветилась широкая полоса скошенного хлеба, по краям стерня даже как будто подернулась инеем, ниже – луговая зелень, дальше гора с белыми выходами известняка. Этот белый известняк так приятен сейчас! Посмотришь – то ли мел, то ли снег. Но мел ли, снег ли, а холод и свет от этой

На реке. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru
белизны приятен. И сразу с этой белизной соединяются белая полоска песка на противоположной стороне, и желтоватые намывы песка за поворотом, и белый песок у нас под ногами.

Вот тут и надо выйти из воды, передать кастрюлю дежурному, сесть на песок, и медленно-медленно шнуровать выбеленные всего за несколько дней солнцем, песком и водой кеды, и смотреть, смотреть, потому что именно в эти минуты становится понятно, зачем мы пошли в поход, зачем гребли днем до того, что ладони потрескались и горят, а нижняя губа распухла и кожа на ней лопнула, зачем через полчаса мы начнем натираться противокомарной мазью и бить голодных, пустых, серых комаров, от которых воздух делается шуршащим и колючим. Освобождение – вот что испытываешь в эти минуты, радость освобождения, завершенность дневного цикла.

А река течет все медленнее и наконец совсем останавливается, и только видно, как у противоположного берега движется ее верхний слой, к которому прилипли пушинки. На повороте зажигается бакен – в этом ровном вечернем свете без теней, без отражения огонь еще почти не заметен, у него нет двойника в воде, и бакен еще виден сам по себе. На Нижнем Дону на триста километров по всему фарватеру стоят большие металлические буи, а здесь дощатая пирамидка, сбита местным плотником, – маленький бакен малых рек.

Сегодня пятнадцатый день похода, и по этому поводу решено выпить. Это уже пятый или шестой повод за пятнадцать дней, но мне, непьющему, все это даже на руку. Собирающиеся пить водку взволнованы предстоящей выпивкой, разговорчивы и снисходительны, всерьез готовят закуску, чистят картошку, открывают банки с лучшими консервами. Они же сами, без моей помощи, натаскали из лесу дров и развели костер. Под кедами дежурного с хрустом ломаются ветки сушняка, огонь так силен, что загорается палка, на которой висят кастрюля и чайник. Даже под свитером и брюками моя обожженная солнцем кожа ощущает почти солнечное давление жара и света, и я вынужден выйти за пределы освещенного круга. Здесь тихо и темно, над виском тренькает комар, и слышно, как булькает вода.

И вдруг начальственный и раздраженный голос окликает нас:

– А вы что здесь делаете?

Я и не заметил, как из-за мыска заливыча выплыл дядька на низкобортной плоскодонке. Греб он не раздеваясь, в брюках, в рубашке и пиджаке. Греб сильно и легко, быстро шел против течения, и это отчасти объясняло его пренебрежительный и начальственный тон. Но, может быть, он бакенщик, а мы развели свой костер рядом со створами?

Дядька остановился напротив нашей шлюпки, подгребал, удерживаясь на течении, но потом, будто уступая течению, навалился лодкой на шлюпку и с минуту смотрел внутрь на пробковые пояса, уложенные под банками, на вальковые наши весла, на рюкзаки, бочонок и новенький канат.

– Ночевать собрались? – спросил он. Оттого, что плоскодонка стояла рядом со шлюпкой, было видно даже не то, насколько шлюпка больше, а насколько она сложнее плоскодонки. – Так на Дону места много, а вас сюда принесло!

Самый ставший и самый доброжелательный из нас предложил:

– А вы перемет хотите ставить? Ставьте. Места много. А мы завтра рано уйдем.

– А когда рано?

– Часов в семь.

– Лучше бы вы совсем сюда не приезжали, – сказал дядька. – Вам это место ни к чему. Два года подряд лес под воду шел, на дне места свободного нет, тут знать надо, А я поставлю перемет – вы у меня рыбу с крючков снимаете.

И, ругая нас, он уплывает в темноту. И в прозрачном для звуков, похолодавшем воздухе его ругань отчетливо слышна. Когда за поворотом он затихает, я говорю:

– Эй. вы, философы! (А все мои спутники работают на кафедре философии.) Вот вы

На реке. Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
все гребете и гребете, а я, может быть, специально пошел с вами в поход, чтобы
узнать, в чем смысл жизни.

– Это не с нами надо было идти, – отвечает мне Игорь Суханов и ухмыляется.

Ночью мы с ним лежим рядом в своих спальных мешках на парусе, под который я
натаскал соломы и травы. У нас есть палатка, но в палатке тесно, и мы с
Сухановым спим под открытым небом: я – из самолюбия, Суханов – потому что самый
молодой. Походные ночи мне всегда были труднее, чем дневная работа на веслах, а
тут я несколько ночей совсем не сплю. Я чувствую, как набрякает, твердеет от
сырости парус, каким волглым становится спальный мешок, и жду, когда Суханов
заговорит во сне. Во сне он говорит голосом ясным, преподавательским...

– Я пойду! – сказал он обещающе. – Я пойду! На суй-зюй... На зюй-вег... На зюй-вест...
А! Устыдился... Сказал, что выучит географию.

Сердце у меня барахлит. Если бы оно у меня не барахлило, может быть, я бы и не
пошел в поход, и не стал бы гребсти по стольку часов в день.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://seminvitaly.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!